ВИЕНА
г. Ленинград
20 ДЕК 1987
не имеет

Воскресный гость «Смены»

«...Интеллигентность, в первую очередь, зависит, по-моему, от каких-то собственных культурных «недр». От какого-то голоса памяти...» — считает народная артистка СССР

АЛИСА ФРЕЙНДЛИХ

ПУСТЬ СЧАСТЬЯ И НЕСЧАСТЬЯ — ПОРОВНУ...

С ЭТОЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ актрисой за долгие годы знакомства мне уже доводилось беседовать для газеты не раз и не два... И, конечно же, чаще всего при таких встречах речь заходила о ее работе — и в театре, и в кинематографе. А на сей раз, придя к Фрейндлих вместе с известным ленинградским литератором Евгением Калмановским, который готовит книгу об актрисе, мы договорились: о сыгранных ролях — ни слова...

* * *

— Алиса Бруновна, хотелось бы услышать, как вы себе представляете идеальный театр! «Идеальный» не в смысле спектаклей, ролей, в общем, репертуара, а самого театрального быта, нравственного климата. Конечно, не утопия имеется в виду, а реально возможное состояние дел...

— С трудом представляю, как можно говорить о театральном быте, не касаясь спектаклей, ролей, репертуара — всей этой главной части жизни театра. Идеальный нравственный климат при плохих спектаклях и плохих ролях невозможен...

— Ну а если спрошу по-иному: при каких условиях театр может быть братством! Союзом людей, которые высоки духом, действительно преданны творчеству!

— Если прежде, как говорится, в старое доброе время, в театре для успеха достаточно было какого-то энного количества крупных актеров, «звезд», то сегодня при всем при этом он без режиссера-лидера, пожалуй, восприниматься не будет все равно. Потому что и зритель помудрел: он уже не удовлетворится просто актерской отдачей и удачей, ему надо видеть какие-то обобщения, какие-то размышления... Поэтому прежде всего во главе театра необходим размышляющий, философствующий, анализирующий лидер...

— Отчего же таких лидеров сегодня так мало!

— Оттого, наверное, что долгое время не все имели возможность, право и достаточную смелость высказываться со сцены так, как им думается и чувствуется. Даже теперь, когда вроде появилась возможность высказываться, еще сидит в каждом из нас контролер, который все время «тянет руку к козырьку». Ощущаю это даже в нашем БДТ: вроде бы все можно, а рука все равно еще к козырьку взлетает: «Здравия желаю!»...

— И ведь первый год театрального эксперимента в стране так и не дал особо яркого спектакля!

— Ну, тот, кто побыстрей, кто это предвидел, кто был этим «беременен», тот кое-что все же выдал: например, в московском ТЮЗе смотрела «Собачье сердце» по Булгакову — хороший спектакль, умный, может, только излишне подробный...

— А без того, что называется режиссерским деспотизмом, театральное братство возможно!

— По-моему, театр — это все же соавторство. Нет, вовсе не хочу сказать, что там должно быть полное равенство, боже сохрани! Как раз считаю, что подобного «равенства» в театре быть не должно, потому что разное дано людям от бога и, по-разному реализуется. Поэтому, повторяю, такого братства, основанного на равенстве, в театре быть не может. Но, может, необходимо братство по взаимному уважению, братство по надобности друг другу...

— А деспотизм, интриги, фавориты — все это в театральном быте неизбежно!

— Мне кажется, что наличие или отсутствие деспотизма зависит от мудрости лидера, который этим предприятием руководит.

— При всей значительности БДТ, наверное, и здесь среди актеров интриги все-таки случаются!

— Может, они и есть, но на себе этого не испытала. Чтобы это испытать, мне надо или сильно ляпнуться, или, наоборот, сделать что-то грандиозное. Пока ни того, ни другого не случилось... Наверное, я защищена тем, что Георгий Александрович относится ко мне хорошо, с ожиданием... А в общем-то, поскольку от бога люди не равны, в театре всегда будет какая-то зависть, сравнение себя с другим. Весь вопрос в том, насколько человек умеет себя сдержать, соблюдать внешние этические нормы...

— Значит, пока существует конкуренция талантов, нет шансов сделать из театра какой-то «священный собор»...

— Именно конкуренция талантов и двигает дело. Главное, чтоб не было несправедливости. Несправедливости явной, очевидной, потому что актер — фигура очень ранимая, очень уязвимая, и подобные житейские подробности иногда способны творческий результат свести к нулю...

— Есть ли, по-вашему, актеры, которые охотно занимают в театре четвертое-пятое положение, считая это своим законным уделом!

— Думаю, что в душе каждый хочет быть генералом, но есть умницы, а есть — глупенькие. Глупенькие всегда будут настаивать на своем потенциальном «генеральстве», а умненькие вовремя поймут что к чему и свое «сержантское» звание пронесут с честью.

— Сколько человек, на ваш взгляд, могут составить идеальную труппу, чтобы это братство осуществить!

— Пожалуй, человек тридцать.

— А пятнадцать!

— Это уже влечет за собой какие-то ограничения в репертуаре, и нагрузка для актера возрастает. А перегрузка вредна нам не меньше недогрузки: замученный, забегавшийся, испотрошенный актер так же не способен на полную отдачу, как и засидевшийся...

— Значит, в театре, где из вечера в вечер играется один-единственный спектакль, себя не представляете!

— Мне бы это не понравилось. Тысячу раз замечала за собой и за другими, что, когда готовишь новую роль, она неизбежно рефлексирует и на все другие твои роли: вдруг что-то оживляется, что-то наполняется, что-то пересматривается... Театр одного спектакля, о котором вы говорите, популярен на Западе: актеры там собираются не только из разных городов, но и стран. Наверное, если спектакль хорош, то играть его не надоедает, и все же для меня было бы затруднительно найти в себе достаточно душевных сил, чтобы из вечера в вечер... Правда, есть у них другое приобретение: возможность собрать на спектакль «идеальную сборную», благодаря чему создается произведение, как правило, отличного качества, высокой культуры, интеллигентности...

— Культура, интеллигентность... Как, по вашему: они зависят впрямую от количества прочитанных человеком книг!

— Совсем не считаю, что чем больше книг ты прочел, тем стал культурнее. Убеждена: читать надо избирательно. Можно всю жизнь возвращаться к двум-трем книгам, и это даст гораздо больше, чем беглое знакомство со многими томами...

— И у вас есть такие! Может, посоветуете их другим!

— О-о, это очень индивидуально... Действительно, у меня есть несколько любимых книг и любимых авторов, могу возвращаться к ним без конца: например, к «Мастеру и Маргарите» Булгакова или к тетралогии «Иосиф и его братья» — вообще ко всему Томасу Манну. Кто еще? Томас Вулф — «Взгляни на дом свой, ангел»... Торнтон Уайлдлер — «День восьмой»... Из сегодняшних очень близки мне недавно ушедший Трифонов, Астафьев, Распутин, Белов...

— В общем, стремление некоторых современников — как можно больше прочесть, увидеть, услышать в прямой связи с интеллигентностью, по-вашему, не находится!

— В прямой — конечно, нет. Интеллигентность, в первую очередь, зависит, по-моему, от каких-то собственных культурных «недр». От какого-то голоса памяти... Не могу похвастаться, что у меня черт те знает какая была порода, но все-таки голос «оттуда» иногда слышу. Надо только научиться свой внутренний приемник настраивать на определенную волну, и что-то обязательно «оттуда» поступит, из каких-то генных токов...

— Ну а если у человека изначально таких возможностей, такой «породы» нет — на что рассчитывать ему!

— Не берусь судить, кто этим должен заниматься в первую очередь — семья, школа? Наверное, надо с детства учить себя не просто читать книгу или слушать музыку, а уметь анализировать и обобщать — вот тогда и возникнет необходимое содружество с книгой, с музыкой, вообще с искусством. Вот тогда, в конечном итоге, и свершится тот самый культурный прирост! И человек уже будет читать, смотреть, слушать не так, как раньше, а — избирательно. Склонность к анализу того, что ты воспринимаешь, в сопоставлении с самим собой должна быть воспитана с детства...

— Какие привычки и манеры современников вам особенно не нравятся!

— Один из главных признаков интеллигентности — не считать себя центром мироздания. Если кто-то считает себя именно таковым, он для меня уже не интеллигент, даже если проштудировал тысячи книг...

— А чувство благодарности — насколько оно для вас в человеке ценно!

— Люди, лишенные этого чувства, для меня — уже как бы второй сорт...

— Есть такие среди народных артистов!

— Увы, и среди народных... Оттого, наверное, что одни избалованы зрителем, другие лишены чувства юмора по отношению к себе, для третьих, как уже говорила выше, собственное «я» есть главное во всех рассуждениях...

— Нужно ли говорить людям правду, если они спрашивают ваше мнение о них, их близких, их произведениях!

— Правду говорить нужно всегда, но весь вопрос опять же в том, как ее сказать. Надо учитывать, что каждый человек, который интересуется твоим мнением, и бесталанный, и самый расталантливый, имеет право на ошибку. Вот с учетом этого права на ошибку правду ему сказать можно. То есть надо найти такую форму ответа, которая его право на ошибку предполагает.

— Бывает ситуация: режиссер или актер пригласил вас на свой спектакль, потом очень ждет вашего слова, а спектакль, между тем, на ваш взгляд, не ахти... Что делать! Как об этом сказать!

— Это всегда очень сложно. Нет, пряча глаза, от ответа не бегаю. Неправду не говорю. К счастью, в любом спектакле, какой бы я ни видела, всегда есть какая-то малость, которая удовлетворяет. Ограничиться этой малостью — наверное, и есть оптимальный выход из пикантной ситуации... Если же человек все ж настаивает, чтобы мнение было высказано подробней, что ж, тогда (конечно, с уважением к труду, который был затрачен, с учетом права творца ошибиться) можно выдать ему эту правду, но — деликатно, дабы не ранить, не обидеть...

— Ну а что отвечать девочкам, которые решили стать актрисами и пристают к вам с просьбой посмотреть их, дать совет!

— Сколько бы ко мне такие девочки перед тем, как подать заявление в театральный институт, ни обращались, никогда не соглашаюсь на просмотр и прослушивание. И вовсе не потому, что боюсь нарваться на какую-то неспособную, которой потом надо сказать горькую правду, а потому, что понимаю: это ж безумная ответственность! А я, чтобы взвалить на себя такую ответственность, просто-напросто недостаточно компетентна...

— Какой возраст в жизни актрисы, на ваш взгляд, для творчества самый благоприятный!

— Не знаю, как у других, но вот у меня, пожалуй, пока что самым благоприятным был период от тридцати пяти до сорока пяти. Когда молодость еще не покинула, сил еще полно, но уже пришел определенный и жизненный, и творческий опыт. Поэтому авторский текст произносишь уже не в пустоте, а опираешь его на что-то прожитое, на собственную боль... Ну а после сорока пяти, увы, начинается диссонанс между еще не увядшей душой и уже увядающим телом. Страшные муки...

— Какие претензии есть у вас к нынешним молодым! Может, на примере вашей дочери!

— Моя Варя в этом смысле не вполне типична, не совсем, что ли, «молодежь». Да, она тоже любит современную музыку, и все же... Понимаете, появилась она у своих родителей достаточно поздно, росла, воспитывалась как бы в «предыдущем» поколении, поэтому по своим нравственным нормам от сверстников отличается... Что же касается молодых вообще, их, так сказать, «закидонов», о которых много нынче судят-рядят, то меня это не раздражает. Считаю, что молодые должны пройти через все. Почему-то мы забываем, что в свое время тоже через это прошли. Только у нас это «все» было другим, тем не менее для взрослых тоже странным.

— Неужели все-таки ничто в них вас хотя бы не настораживает!

— Настораживает некое потребительство, обусловленное, наверное, тем, что не было у них настоящих трудностей — физических, бытовых. Мы же прошли через массу трудностей, ограничений... С другой стороны, у них есть нравственный счет к старшим, острое желание преодолеть то, чем наше поколение болеет: лицемерие, например... Правда, не принимая что-то, они порой ударяются в другие, еще большие крайности...

— Как вы относитесь к моде! К тем, кто ей следует!

— Положительно. Только считаю: надо быть достаточно самокритичной, чтобы понимать, в каком возрасте что позволительно, в каких условиях, по какому случаю... Так что — вкус и чувство меры...

— Алиса Бруновна, давайте представим, что перед вами — ваши зрители, самые разные — и по социальному положению, и по возрасту... Что бы вы им посоветовали в жизни, самое-самое главное! Начнем с юного зрителя...

— Чтобы они прежде всего научились жалеть животных.

— Не лучше ли, чтобы они жалели дедушку с бабушкой!

— Если научатся жалеть животных, то и дедушка с бабушкой в этом смысле за себя могут быть спокойны...

— А их родителям!

— Родители должны понимать, что ребенка воспитываешь не назиданием, а только собственным примером. Поэтому — самим быть на уровне собственных требований к детям!

— Мужчинам!

— Хочется, чтобы мужчины понимали, насколько нам труднее, чем им...

— Женщинам!

— Мужчина не прощает обычно женщине, когда выясняется, что она сильнее, самостоятельнее... Поэтому женщина должна уметь «играть» свою слабость, дать почувствовать, что нуждается в опеке, в покровителе. Уступить мужчине то, что ему предназначено природой. Уступить силу. Правда, надо еще, чтобы мужчина решился взвалить на себя эту обузу... Только в этом вижу залог благополучия в некоторых неблагополучных семьях...

— Что пожелаете старым!

— Помнить: чем дольше человек сохраняет в себе способность удивляться, тем дольше он сохранит свою молодость...

— Красивым!

— Чтобы не считали красоту своей главной доблестью, потому что это — не их приобретение, это — лишь дано природой. Мы ж не гордимся тем, что у нас, например, два уха...

— Некрасивым!

— Уверенности в том, что человек способен хорошеть от хороших мыслей и хороших чувств.

— Счастливым!

— И счастливым, и несчастливым у меня один совет. Кто-то очень умный сказал, что счастье — это когда счастья и несчастья поровну... И правда, когда одно сплошное везенье, одни сплошные радости, восприятие у человека притупляется, и он уже не способен так радоваться жизни, как если бы у него того и другого было поровну. Вообще безостановочно счастливы, наверное, только идиоты. Я верю в закон равновесия: если ты сегодня счастлив, то дорожи этим, ибо дальше может последовать и некоторое, так сказать, «под гору». А коли несчастлив, помни, что по закону равновесия за страдания тебе обязательно воздастся: даже если удача не придет, ты умудришься тем, что испытаешь... Нужно уметь свою беду обратить себе же на пользу, потому что в горе, в несчастье человек постигает какие-то истины...

Л. СИДОРОВСКИЙ

Фото В. Плотникова